

Когда в отделении терапии больницы Жэньцзи запахло жареным луком с мясом, Чэнь Е как раз менял в термосумке ампулы с инсулином на физраствор. Под пластиковым контейнером с едой лежали результаты генетического теста сестры, где масляное пятно пропитало строчку: «Риск наследственного заболевания почек — 98%». Он считал трещины на двенадцатой плитке коридора, когда наконец услышал из палаты матери звон разбитой миски.

— Е-цзы! — иссохшая рука матери ударила по аппарату для диализа, и показатели артериального давления на мониторе в точности совпали с годовой процентной ставкой по онлайн-кредиту сестры. — Твою сестру сегодня у ворот завода зажали коллекторы, клок волос выдрали!

Чэнь Е присел, собирая осколки фарфора, и увидел в лужице овощного супа свое искаженное отражение — лицо, отекавшее от бессонных ночей за рулем.

Линь Мань вошла в палату, и пластиковая упаковка корзины с фруктами зашуршала. Она сменила помаду на коралловую, но под ногтями все еще чернели ледяные крошки из рефрижератора.

— Тетя, это новый питательный раствор, — сказала она.

Она повесила пакет для инъекций на стойку, и штрих-код на этикетке отливал синевой в лучах заката. Чэнь Е мельком глянул на первые четыре цифры кода — они совпадали с номером гарантийного обязательства в кредитном договоре сестры.

Мать внезапно схватила Линь Мань за запястье, и трубки для диализа врезались в бледную кожу красными полосами:

— Доченька, когда твоя мама проходила гемодиализ...

Она не успела договорить — ее прервал сигнал тревоги. Ресницы Линь Мань дрогнули, и Чэнь Е заметил в кармане ее белого халата обрывок обертки от шоколада — той самой марки, которую мать больше всего любила во время химиотерапии.

Когда медсестра вбежала в палату менять лекарства, слуховой аппарат Линь Мань внезапно издал электрический треск. Чэнь Е увидел, как на тыльной стороне ее ладони вздулись вены, пульсируя в такт показателям потока на аппарате диализа. Когда мать погрузилась в сон, Линь Мань достала со дна корзины крафтовый бумажный пакет:

— Генетический патент твоей сестры вчера на даркнете ушел за четыре миллиона двести восемьдесят тысяч.

Лао Чжоу сидел на корточках у входа в самострой, чиня электроскутер, когда из окна с железной рамой раздался визг его дочери Сяо Юнь. Его перепачканные машинным маслом

пальцы сжимали остывший кусок теста, а дождевая вода по проводам незаконной проводки стекала прямо в кашу. Когда Чэнь Е приподнял брезент, Лао Чжоу как раз измерял мультиметром фольгированную упаковку от антидепрессантов дочери.

— Напряжение скачет, — Лао Чжоу высыпал таблетки в ржавую эмалированную кружку. — В этой дыре даже воровство электричества имеет свою иерархию.

Чэнь Е увидел, как Сяо Юнь забилась в угол; к манжетам ее школьной формы была пришита светоотражающая лента курьера Мэйтуань — та самая, которую она в приступе болезни в прошлом месяце прожгла зажигалкой.

Высокие каблуки Линь Мань увязли в грязи. Когда она протянула крафтовый пакет, ветер разнес анализы из пластиковой папки. Лао Чжоу внезапно схватил гаечный ключ:

— Вы хотите использовать Сяо Юнь как разменную монету?

Ключ с грохотом ударился о жестяную стену, сбив пожелтевшую грамоту: «Первое место на конкурсе профессионального мастерства Государственной электросетевой компании».

В три часа ночи в пункте доставки Чэнь Е разломил пополам остывший пирожок с луком. От подола халата Линь Мань пахло дезинфицирующим средством из больницы Жэньцзи. Она вдруг произнесла:

— В тот день, когда мама умерла, я украла ампулу дилаудида.

Мизинец правой руки Чэнь Е снова начал дергаться — это обезболивающее сейчас наверняка лежало во внутреннем кармане ее норковой шубы.

Резкий голос Шэнь Тинтин прорезал шум дождя:

— Чэнь Е! Если в этом месяце опять будет перебор по времени доставки, вычту весь залог!

Линь Мань внезапно схватила планшет диспетчера и размазала масляное пятно от пирожка по трещинам на экране:

— У ее дочери на курсах актерского мастерства украли и выложили в сеть обнаженные фото.

Чэнь Е увидел, как капли жира просочились внутрь материнской платы, и бегущие цифры внезапно сменились суммой, необходимой для оплаты госпитализации Сяо Юнь.

Лао Чжоу ворвался внутрь, обнимая аккумулятор, и электролит на полу превратился в

кровоточащую рану:

— Лекарство Сяо Юнь... его заменили на витамины.

Он раскрыл ладони, покрытые мозолями — на фольге от таблеток красовался логотип какого-то частного фонда. Чэнь Е вдруг вспомнил флешку со следами зубов из рефрижератора — эти отпечатки были точь-в-точь как вмятины на таблетках.

На мосту Луцзяцзуй под проливным дождем Чэнь Е сложил записи о гемодиализе матери в бумажный самолетик. Каблук Линь Мань застрял в водостоке, а сварочный аппарат Лао Чжоу высекал искры из перил. Когда триста электроскутеров окружили их плотным кольцом, Чэнь Е увидел, как сестра бежит со стороны круглосуточного магазина, держа зонт, а в кармане ее фартука торчали неоплаченные жаропонижающие.

— Брат! — челка сестры все еще была мокрой. — На заводе сказали, если сегодня не отдам деньги, то...

Ее слова утонули в внезапно взывшей сирене. Слуховой аппарат Линь Мань принял ультиматум, а медицинская карта дочери Лао Чжоу на ветру раскрылась на последней странице — там была склеенная из кусков семейная фотография, на краю которой стояла старая гербовая печать Государственной электросетевой компании.

Пирожок Чэнь Е выпал из рук в лужу. Он нащупал в кармане липкий кусок шоколада и вдруг вспомнил, что это была последняя сладость, которую отец тайком принес из заводской столовой, когда мать проходила химиотерапию. Ветер распахнул белый халат Линь Мань, обнажив закрепленный на поясе шприц с дилаудидом; на игле запеклась кровь матери десятилетней давности.

Когда первая полицейская машина свернула за угол, Лао Чжоу внезапно запел колыбельную, под которую когда-то убаюкивал Сяо Юнь. Сестра Чэнь Е присела и подняла бумажный самолетик — на его крыле кривые буквы матери, написанные дрожащей рукой, постепенно расплывались от дождя: «Хорошо питайся».

<http://bllate.org/book/18523/1780827>